

А. А. КИРЕЕВ

**Несколько замечаний на статью В. С. Соловьева
«Догматическое развитие Церкви
в связи с вопросом о соединении Церквей»**

Статья Вл. С. Соловьева, помещенная в последнем № «Православного обозрения» за 1885 год [стр. 727–798] и долженствующая служить предисловием к его большому сочинению о теократии, имеет не только экзегетический, но и полемический характер и направлена преимущественно против г-д Стоянова, Аксакова, Данилевского и меня; она затрагивает некоторые вопросы очень мне близкие и дорогие, и я не считаю возможным оставить без возражения и объяснения то, что говорит о них наш общий оппонент.

В. С. Соловьев начинает свою статью прямым заявлением, что его оппоненты считают «соединение Церквей невозможным да и ненужным»; что специально я, Киреев, недоволен поднятием этого вопроса и решительно *высказываюсь против церковного соединения*. Направляя против меня такое обвинение, он впадает в самую необъяснимую и невероятную ошибку. *Нигде и никогда* не высказывал я такого странного мнения, а напротив, всегда и везде, во всем, что мною когда-либо было написано или сказано, утверждал совершенно противное, и в продолжение семи лет в качестве секретаря Петерб. Отд. Общества Любителей Духовного Просвещения трудился не только над теоретическим, но и над практическим осуществлением идеи соединения Церквей, над изучением условий, при которых оно возможно; и я считаю себя счастливым, что мне довелось принять участие в этом святом деле, благодаря коему я имел еще случай сблизиться с первоклассными учеными (преимущественно богословами); правда, людей этих почтенный В. С. Соловьев, может быть, и считает еретиками, но он едва ли решится упрекнуть их в недостатке знаний и в узкости понятий. Повторяю, я не только не считаю соединения церквей делом «невозможным» или «ненужным», но, напротив, признаю его *и возможным, и необходимым*, и притом именно теперь, после Ватиканского собора, провозгласившего догмат непогрешимости римского епископа. На собор этот мы (г-н Соловьев

и я) смотрим весьма различно, хотя и признаем его событием чрезвычайной важности. Г. Соловьев считает провозглашенную на нем непогрешимость лишь логическим развитием *правильного* учения о правах римского первосвященника, а я — логическим заключением *целого ряда софизмов, подкрепленных сознательной и бессознательной ложью* (от Исидоровых декреталий до ватиканской «*constitutio dogmatica*»). Оказывается, стало быть, что я очень хочу соединения Церквей, но не такого, которого хочет г. Соловьев. Не желать соединения по римскому образцу совсем не значит не желать соединения вообще!

Каким же образом согласовать мой взгляд на своевременность попыток сближения Церквей с тем, что я говорю о современном (ватиканском) католицизме? В сущности, тут нет никакого противоречия; именно *теперь* я и считаю возможным и полезным думать о сближении и воссоединении православия, не только с католицизмом, но, может быть, даже и с протестантизмом, считаю настоящее время гораздо более удобным, нежели XIII или XV столетия. Пока спорящие не довели своих мыслей до их крайнего предела, до их окончательных выводов, далее которых идти некуда, спор не может считаться близким к окончанию, самая арена спора еще не вся исследована, не разграничена как должно. Ведь трудно указать на ту окончательную ошибку, на ту «последнюю ложь», которая служит ей королларием; ложь, от исправления которой зависит заключение мира и даже союза, пока не вылилась в окончательную форму, но теперь эта минута настала. Все выяснилось, геркулесовы столбы пройдены. Запад Европы выставил свои последние аргументы, последние тезисы, он договорился до абсурда. Народы Западной Европы дошли, в вопросах религиозных, до последних выводов своих богословских софизмов. Рим говорит человеку *cadaver esto*, — Виттенберг — *Deus esto*¹. Как ни прикрывай истины, как ни увлекайся величием католичества или протестантизма, представляющих действительно много великого и достойного подражания, нельзя, однако, не видеть, что католицизм превращает Церковь в политическую машину, требует от человека непосильных нравственных жертв и становится в разлад с гражданским обществом, а протестантизм превращает алтарь в профессорскую кафедру, христианское учение в рационалистическую теорию и так же как и католицизм, доходит до отрицания Церкви, но только обратным путем. Непредубежденному человеку нельзя не видеть, что Запад договорился до своих последних тезисов, что далее ни путем исключительного авторитета, ни путем исключительной безграничной свободы идти нельзя, некуда, что, стало быть, ему приходится возвратиться к учению той эпохи, которая предшествовала роковой ошибке Рима, восставшего против Вселенской Церкви

и поэтому ответственного за все последующие несчастья. Ясно, стало быть, настанет время, когда нам, когда православному миру можно будет и придется взяться за решение вопроса соединения Церквей, за определение того пути, по которому легче и вернее можно дойти до этой высокой цели. Дай Бог, чтобы эта серьезная, торжественная минута не застала нас спящими и с погасшими лампадами!*

Приписывая мне или моим единомышленникам мысль, будто соединение Церквей невозможно, да и ненужно, говоря, что я определенно высказываюсь против церковного соединения, г. Соловьев возводит на меня напраслину. Он говорит: «Вы, г. Киреев, утверждаете, что католицизм поступил в высшей степени неправильно, провозгласив свои новые догматы, и что, стало быть, с ним, в его настоящем виде, соединяться нельзя (совершенно верно!). Я же (В. С. Соловьев) думаю, что он совершенно прав, и вы, упорствуя в своем мнении, не только затрудняете дело соединения, но делаете его на практике невозможным, стало быть, вы в сущности не хотите соединения с современным католицизмом». Вот это верно, соединяться с современным католицизмом не только «не нужно», но в и высшей степени «вредно»; не забыть же мне трехвековой истории унии, не закрыть же мне глаза на то, что делается в настоящее время в Червонной Руси, Боснии и Герцеговине! Не могу же я не понять, что соединяться с непогрешимым нельзя, что ему можно только подчиняться! Ничуть! Это софизм! В Аксакове, который так же мало, как и я, допускал возможность соединения с настоящим (Ватиканским) католицизмом, по словам В. С. Соловьева, говорило общее историческое национальное чувство и предубеждение, которое должно быть признано как естественное, справедливое отвращение «*больного к горькому лекарству*». Вот в каком виде представляется все это дело моему оппоненту! Мы, мол, больны, нас нужно лечить, за вами, говорит, он нам, признается лишь право морщиться и отворачиваться от противного вам лекарства, а глотать его все-таки приходится, оно непременно вас излечит от вашего недуга, ведь оно изготовлено в самом Ватикане по новому рецепту 1870 года, а когда вы излечитесь да соединитесь с Римом, тогда и славянские дела пойдут как по маслу (точно папский легат, соблазняющий князя Романа Галицкого!). А то ведь смотрите, мог бы добавить г. Соловьев, многого ли вы добились? Рим, через

* Это писалось давно. Сознаюсь, что, признавая основание своей мысли правильным, я ошибся относительно времени. Запад должен будет отказаться от своих идеалов, видя к чему они его привели, но до этого пройдет немало времени, потому что человек живет не логикой, не аргументами, а своими симпатиями и антипатиями. Да и нам еще не близко до учительства!

подручное себе Австро-Венгерское правительство *, всюду подставляет вам ножку, и вы, как ни опирайтесь на авторитет вами одним признаваемого европейского концерта, спотыкаетесь на каждом шагу и остаетесь в дураках; так будет и впредь, надолго! Да, много горького и много справедливого мог бы на эту тему наговорить нам г. Соловьев, а все-таки мы не соблазнимся и не пойдем «в Каноссу»². Спешу оговориться, я весьма далек от мысли заподозривать искренность г. Соловьева **, он, конечно, не обманывает нас, не подкупает, он твердо верит, что мы действительно больны и что нас может излечить лишь Рим, к которому мы и должны прибегнуть за помощью. Но при этом о какой бы то ни было взаимности и равноправности между нами и Римом у г. Соловьева нет и речи, о римских грехах не упоминается; виноваты мы одни, нет и намека на то, что и у нас для него может найтись «лекарство», что и у него, несмотря на его непогрешимость, не все в порядке. По словам г. Соловьева, выходит, что больны только мы, в Москве да в Константинополе, а в Риме, в Вене и в Париже все здоровы. Посмотрим же, какой врач придет к нам оттуда! А что лекарство его покажется нам очень горьким — это не подлежит сомнению, ведь оно год от году становится все крепче и горче и, уж конечно, то, которое нам привезут теперь, будет нам даже противнее того, которого мы не приняли из рук митрополита Исидора, возвращавшегося из Флоренции!

Рассматривая славянофильские идеалы, г. Соловьев весьма справедливо замечает, что главной помехой к их осуществлению служит вероисповедная рознь, препятствующая созданию вселенской христианской культуры, долженствующей примирить Восток и Запад. Устранение этой розни и составляет, по мысли г. Соловьева, призвание России, ее первое, настоятельнейшее дело; пусть же, говорит он, Россия это и делает! т. е. заботится о соединении Церквей. Прекрасно, но в чем должна выразиться эта забота? На это г. Соловьев дает косвенный ответ, упрекая г. Данилевского и меня в том, что мы относимся враждебно к новым католическим догматам, которых будто бы не имеем права считать еретическими, ложными, потому что о них не высказался ни один Вселенский собор. Вот в этом-то и состоит главная наша вина, заключается вся «суть» дела...

* Которое хотя не признает никакого вероисповедания (Confessionslosigkeit утверждена австрийской конституцией), но в этом случае действует по указаниям Рима.

** Точно так же далек я от мысли, что у нас в мире православном все хорошо, все в порядке. Нет, к несчастью, мы очень больны, но я не согласен с моим уважаемым оппонентом насчет предлагаемого им способа лечения. Не согласен принимать предлагаемого им лекарства.

Итак, В. С. Соловьев упрекает меня в том в особенности, что я встаю против новых ватиканских догматов, считаю их еретическими и смотрю на них как на главнейшее препятствие к воссоединению и единению Церквей. Он отрицает мое право высказываться таким образом об этих новшествах на том основании, что о них не высказывались еще Вселенские соборы и что поэтому о них нельзя иметь и никакого окончательного суждения: «Вы, гг. Данилевский и Киреев, говорите, что они еретичны, а я думаю, что Вселенские соборы найдут их правильными. Вы вправе иметь о них лишь *мнение*, высказываться о них лишь гипотетически, но не аподиктически. Вы не имеете права осуждения, уже по правилу — *in dubiis libertas!*³ Притом вы забываете и третий пункт этого правила, именно: *in omnibus caritas*»⁴. Таков ход мысли г. Соловьева. Под условием взаимности на такую постановку дела можно бы было согласиться прежде, но не теперь, не после Ватиканского собора, а в то время, когда смущающие нас, православных, догматы не были еще безусловно обязательными учениями, от которых не дозволяется уклоняться (буквально — отблуждаться — *aberrare*), когда они были лишь необязательными мнениями, на которые разрешается иметь тот или другой взгляд. С такой постановкой вопроса можно бы было помириться под условием взаимности и ради достижения церковного мира и единства.

На все это, повторяю я, можно бы было согласиться прежде, до 1870 года, но теперь такая постановка вопроса совершенно невысказима. На эту сторону дела мой почтенный оппонент не обращает, по видимому, должного внимания, для него Ватиканского собора точно не бывало, а между тем все дело теперь в этом. В 1870 году католики сами «сожгли свои корабли», уничтожили мост между нами и ими. Не нас, стало быть, следует журить г-ну Соловьеву, за нашу «жестокость» в деле соединения Церквей, а его новых друзей! Говорю это, становясь на почву моего почтенного оппонента; сам же я думаю, что Рим о «соединении» Церквей нисколько не заботится; он старается не о соединении с Востоком, *хотя бы на приблизительно равных правах*, а о подчинении его себе; припомню В. С. Соловьеву, как поступало католическое духовенство после занятия Константинополя крестоносцами и что оно позднее делало с униатами, наивно поверившими призыву к «братскому и свободному соединению с Римом»!

Г. Соловьев говорит, что итог догматических определений может изменяться и действительно изменялся, что истины веры раскрывались человечеству не сразу, хотя искони содержались (*implicite*) в учении Христа. Истины эти утверждались окончательно на Вселенских соборах, а причина, побуждавшая (частью Церковь, частью императоров) обращаться к такому торжественному акту, заключалась в возникновении

каких-либо лжеучений, смущавших духовное спокойствие Церкви; так бывало прежде, когда служители Церкви с должной чуткостью относились к ее потребностям, а сыны ее видели в ней свою заботливую мать, свою данную им Богом непогрешимую наставницу; но, спрашивается, какой повод имел Рим для провозглашения своих новых догматов; какая новая ересь угрожала католицизму? Какое заблуждение было устранено Ватиканским собором? Вообще, какая была в данном случае причина для догматизирования? Какая ересь заставила, напр., еще до собора провозгласить *immaculatam conceptionem*?⁵ Кто оспаривал или умалял значение Пресвятой Девы? Протестанты! Да ведь провозглашение этого догмата* еще более оттолкнуло их от католицизма, а среди самих католиков догмат этот нашел одобрение и сочувствие лишь в среде самых экзальтированных и необразованных фанатиков и еще более затемнил в них понимание религии. То же самое и с еще большим правом можно сказать и о догмате непогрешимости; правда, он логически вытекал из всей предыдущей истории латинства начиная с IX и X века. Восстав против Вселенской Церкви, епископ Рима, шаг за шагом, всякими неправдами подвигался сначала к преобладанию, а затем и к непогрешимости, которую наконец и возвел в догмат. Но спрашивается, что вынуждало «доразвить» до него приматство *inter pares*⁶, имевшее свое основание в истории первых веков? Кому послужил на пользу этот догмат, смутивший лучших, наиболее ученых людей между католиками? Вне пределов Католической Церкви догмат этот вызвал лишь порицание и в значительной степени обострил и без того недружественные отношения между католиками, с одной стороны, и между православными и протестантами — с другой; а именно этот-то догмат, против которого так много можно сказать, опираясь даже и на одни показания самого Запада (не говоря о логике), и берет, по-видимому, под свое специальное покровительство мой почтенный оппонент!

Защищая право Рима на «развитие» догмата, г-н Соловьев, имея преимущественно в виду возражения г. Данилевского и мои, выставляет следующий тезис. Допустим, говорит он, на время, что новые догматы и *не* православны; все же вы не имеете права считать их таковыми до тех пор, пока их не осудит Вселенский собор. С этим, как сказано выше, согласиться нельзя; во-первых: в самом римском каноническом праве есть отдел, трактующий об ересь, признаваемых таковыми *lata sententia*** , во-вторых, совершеннейшая ложность некоторых из них

* Оно было лишь пробным камнем для дальнейших действий курии и подготовило почву для Ватиканского собора.

** Признаваемые ввиду их очевидной неправильности, ввиду их явного противоречия с учением Церкви, ересями — без определения соборов.

(напр., непогрешимости) может быть выведена на основании римских же источников; но я готов стать на почву г. Соловьева: положим, что мы, православные, воздержимся от осуждения новых догматов впредь до постановления о них решения Вселенского собора; спрашиваю: по строгой справедливости, чем должна нам, православным, ответить римская Церковь на такую с нашей стороны снисходительность? Очевидно, и она должна поступить точно так же, как и мы. Мы оставляем вопрос нерешенным, открытым, *воздерживаемся от осуждения* новых догматов, — пусть же и католики признают этот вопрос открытым и *воздержатся от их утверждения*; пусть католики нам скажут: «Мы, до постановления вселенского решения, будем признавать их лишь условно, лишь как *мнение*. Вы, православные, воздержитесь от обсуждения и *осуждения*, а мы воздержимся от обсуждения и *одобрения!*»

Такая постановка была бы действительно справедлива, но мыслима ли она? Очевидно, нет! Ни один добросовестный католик не сочтет себя вправе допустить ее хоть на минуту! Ведь ни один католик не согласится идти на суд Вселенского собора с намерением подчиниться его решению, в случае, если это решение выпадет против него! Это можно утверждать разве насмех. Ведь тысячу лет тому назад Рим восстал на остальные патриархии, на тогдашнюю Вселенскую Церковь, когда еще живы были воспоминания и об еретических папах Вигилии и Гонории; можно ли же допустить, чтобы он подчинился ее решению теперь, когда его догматика уже вполне закончилась?.. Никогда и ни под каким видом. Это можно утверждать, лишь не зная католического мира. С какой стати пойдет Католическая Церковь на суд Церкви Вселенской, когда она *себя* считает именно этой вполне правоспособной, полноправной Вселенской Церковью, могущей принимать догматические решения и делать постановления, обязательные *urbi et orbi*, не заботясь о том, участвуют ли или не участвуют в этих решениях те или другие схизматики!

Нет, ни повода, ни права не имел Рим для догматизации новых учений, и никогда и ни под какими условиями мы их не примем! Я далек от мысли заподозривать моего оппонента в какой-нибудь хитрости, направленной против его Церкви, но, думая, что, увлекаясь желанием достигнуть всем нам дорогого примирения и единения, он не замечает, что предлагает нам идти не на братское совещание равного с равным, не на Вселенский собор, а на суд, что он призывает нас не в Лион или Флоренцию, а тащит в Каноссу! Но при всех наших непростительных слабостях, при всей нашей нравственной лени мы ни в чем не виноваты *перед Западом* и в Каноссу не пойдем! Не там найдем мы исцеление от наших недугов, которые мне столь же ясны, сколько и моему оппоненту, а в самих себе, в своей собственной христианской совести, которой пора встрепенуться и пробудить нас от слишком долгого сна!